ВИТЕБСКАЯ ПАЛИТРА

Очерк жизни и смерти моего деда Исая Шмерлинга
(Из книги «По дороге в XXI век»)

Витебск, октябрь 1905 года... Воспользуемся теплым осенним вечером бабьего лета и, подобно шагаловским влюбленным, незаметно и свободно полетаем над городом, вдыхая аромат садов в разгаре листопада и запахи приближающегося ужина. Вот мы летим, обгоняя трамвай, вниз к Соборной площади, прочитывая подряд все вывески: «Булочная-кондитерская. Гуревич», «Табак. Все сорта табака», «Фрукты, бакалея», «Варшавский портной», «Парижские моды», «Школа живописи и рисунка художника Пэна». А теперь полетим через реку к Задуновской улице. Сегодня, 10 октября 1905 года, на Задуновской большой праздник: 19-летняя красавица Роза Бельчикова выходит замуж за 26-летнего управляющего лесоторговым домом Исая Шмерлинга. Посмотрим, полетят ли они, обнявшись подобно шагаловским влюбленным, над темнеющим городом. Невеста строга и не выдает своих чувств, а счастливый жених, похоже, готов к полету...

Жена Исая – Роза Бельчикова/Шмерлинг, Витебск, начало 1900-х

Роза жила до замужества в местечке Ильино, что в 100 километрах вверх по Двине, но часто бывала с родителями в Витебске. Здесь в Витебске она имела ошеломляющий успех у мужчин, что и восторгало и беспокоило родителей, считавших ее "опасно красивой". Каким образом близорукий от природы Исай высмотрел красавицу в уличной толпе и почему она предпочла его другим претендентам, мы можем только догадываться.

Впрочем, Исай был несомненно незаурядным человеком и завидным женихом. Пойдя по стопам своего отца Гирша – простого приказчика в дровяном складе, Исай, благодаря своим исключительным способностям, уже в 22 года стал управляющим всего лесоторгового бизнеса в Витебске.

Исай Шмерлинг был одарен от природы. Окружающие поражались той невероятной скорости, с которой Исай производил в уме сложнейшие математические вычисления. До глубокой старости это искусство оставалось загадкой, которую он так и не раскрыл. Дочь Исая Ида писала: «Могу точно сказать, что если в нашем роду есть даровитые математики, то это гены нашего папы. Он в уме делал такие расчеты, что мы всегда поражались.» Действительно, все ближайшие потомки Исая проявили склонность к точным наукам: старшая дочь Ида стала преподавателем математики, младшая дочь Бетти – инженером, а сын Марк, сначала студент мехмата МГУ а затем выпускник военно-воздушной академии, обладал выдающимися математическими способностями. Гены Исая сработали и в следующем поколении – оба его внука, Леонид и ваш покорный слуга, стали учеными в области прикладной математики.

Окончив четырехклассную приходскую школу, Исай в 13 лет начал работать подручным на дровяном складе, где его отец служил приказчиком. Талантливый и энергичный юноша на лету схватывал азы лесопромышленного дела и быстро продвигался по службе. Через 9 лет крупный витебский лесопромышленник Левинсон назначил его управляющим своего огромного хозяйства. Заготовки леса, его сплав по рекам Витебской губернии, хранение и продажа лесоматериалов и дров, заключение контрактов и наем работников – все это теперь входило в обязанности Исая. Он много работал, часто находился в отъезде по делам службы и мало бывал дома, но он сумел выбиться из нищеты, сопровождавшей жизнь его отца, младших братьев и сестер, обеспечил своей семье вполне пристойную жизнь, хороший дом, достаток, домашнее образование для дочерей.

Я вижу в этом главную причину того поразительного факта, что Исай был, по-видимому, единственным из детей Гирша Шмерлинга, не "пошедшим в революцию". Младшие братья Исая увлеклись социалистическими идеями, трое из них стали активными деятелями большевистской партии, но Исай остался вне революции и был впоследствии втянут в ее мясорубку насильно. (На этом семейном примере особенно убедительной представляется правота Петра Столыпина, считавшего, что предоставление евреям элементарных гражданских прав отвратит этих, по его словам, «трудолюбивых и домовитых по природе людей» от участия в революционной смуте. К сожалению, соответствующий законопроект, представленный Столыпиным императору Николаю II в 1906 году, был отвергнут.) Как относился Исай к революционным событиям первых 20-и лет XX века, как он оценивал трансформацию младшего брата Зиновия в профессионального революционера, что он думал о социализме, интернационализме и сионизме, мы не знаем и, по-видимому, никогда не узнаем, ибо никаких документов, писем или воспоминаний на этот счет не сохранилось. Могу лишь высказать предположение, основанное на реконструкции ситуации в целом, что Исай, будучи человеком дела и увлеченный этим делом, прохладно относился ко всем этим идеям, считая их утопичными. Он противился участию в социалистическом движении, будь то РСДРП или еврейский Бунд, и не верил в Интернационал в России. С другой стороны, он не верил и в реальность сионистской идеи возрождения еврейской государственности в Палестине, а тех, кто уезжал в Америку, считал людьми непрактичными.

Шмерлинги мирно и счастливо жили в Витебске до середины 1910-х годов. Девочки подрастали, старшей Иде было уже 8 лет, а младшей Бетти – 3 года, когда грянула Первая мировая война, и колесо русской истории стремительно покатилось в пропасть кровавой революции, ломая судьбы и увлекая в пучину и Шмерлингов, и всех других обитателей огромной империи.

Витебск в те годы оказался на перепутье военных дорог, ведших на юг и на запад к основным театрам мирового побоища. Рядом, в Могилеве находилась Ставка Верховного Главнокомандования Российской армии. Через Витебск непрерывно и бессмысленно шастал из Царского Села в Могилев и обратно царский поезд. Наконец, рядом проходила все приближающаяся линия русско-германского фронта. 25 августа 1915 года Николай II сменяет своего двоюродного брата Николашу на посту Верховного Главнокомандующего. Россия впадает в шоковое состояние. Со времен Петра Великого русские цари не брали на себя непосредственное руководство военными операциями и правильно делали – у них хватало здравого смысла, чтобы не лезть в Наполеоны. Всем стало ясно, что новый стратег-подкаблучник, руководимый женой-психопаткой, в самое ближайшее время окончательно разрушит армию и проиграет войну. Реальная опасность германской оккупации виделась витеблянам, Марк Шагал нервничал:

«Хоть бы Вильгельм остановился в Варшаве или в Ковно, хоть бы не дошел до Двинска! А главное, не тронул бы Витебска! Там мой дом, там я работаю, пишу картины».

Шмерлинги тоже жили и работали в Витебске, они с опасением ожидали скорую немецкую оккупацию, которая неизбежно будет сопровождаться обвинениями в предательстве и еврейскими погромами – ведь надо же на кого-нибудь свалить вину за поражение. Весь 1916 год прошел под знаком приближающейся катастрофы, масштабы и формы которой никто, конечно, не мог предвидеть, но неизбежность которой стала очевидной почти всем, в том числе Его Императорскому Величеству, окончательно отупевшему от потока "ценных" указаний из Царского Села, с одной стороны, и неумолимых требований родственников отстранить его жену Аликс и Распутина от государственных дел, с другой. Наконец, началось массовое дезертирство солдат с фронта, и великая империя рухнула.

Нужно сказать, что русская революция не принесла ничего хорошего ни Исаю с Розой, ни их детям. Если бы дело ограничилось Февралем 1917-го года, то они получили бы в дополнение к достаточно обеспеченной жизни полные гражданские права и свободы демократической России. Но дело Февралем не ограничилось, а обернулось Октябрем 1917-го года, лишившем семью, в конечном итоге, не только всех прав, в чем Шмерлинги не были оригинальны, но и того скромного достатка, к которому эта семья привыкла. Но это случилось позже...

***

Пока удалось найти только одну фотографию Исая Шмерлинга с семьей – она перед вами, типичная семейная фотография начала века. На обороте фотографии надпись вязью: *Художественная фотография А.Маковскаго в Витебске, Смоленская ул, д.Витенберга.* В медальоне сверху портрет императора и надпись – *Николай II Императоръ и Самодержецъ Всеросс.* Я датирую фото началом 1911 года, так что Исаю на ней 32 года,

а Розе – 25 лет. Исай держит на коленях пятилетнюю дочь Иду; Роза на пятом месяце очередной беременности – вскоре, 30 мая 1911 года, она родит мою маму Бетти.

В десятые-двадцатые годы XX века дом Исая Шмерлинга был одним из наиболее просвещенных в Витебске. Здесь любили читать классическую русскую и мировую литературу, здесь учили детей музыке и французскому языку. В дом приглашали интересных людей, музыкантов и художников. Душой этой домашней культурной жизни была, конечно, Роза, но она имела в своей жизни и во всех своих начинаниях твердую опору – Исая. У Розы не было никакого формального образования, но она обладала врожденной интеллигентностью, свободно читала и писала на идиш и по-русски, да к тому же неплохо владела французским.

В семейной хронике сохранилась удивительная история о том, как Роза Шмерлинг помогла Марку Шагалу выйти на его великую дорогу в бессмертие – вот эта история.

**Единственная фотография Исая Шмерлинга с семьей –
женой Розой, дочерью Идой и... будущей дочерью Бетти, которой беремена Роза
(второй шляпкой это обстоятельство деликатно скрыто). 1911 год, Витебск**

В 1906 году работавшая в доме Шмерлингов прислугой женщина привела к Розе свою знакомую – жену грузчика с Покровской улицы. Та рассказала, что ее сын Мовше перерисовывает картинки из журнала "Нива", да так здорово, что не отличишь. А вчера – рассказывала, чуть не плача, женщина – сын сказал: «Мама, я хочу быть художником. Ни приказчиком, ни бухгалтером я не буду. Спаси меня, мамочка.» И тогда Роза пообещала, что попросит Иегуду Пэна взять юношу в ученики. Она была в то время на сносях, но обещание свое выполнила.

Иегуда Пэн – выпускник Санкт-Петербургской академии художеств, открыл в Витебске школу живописи и рисунка. Он познакомился с Розой еще до ее замужества, увлекся ею и неоднократно предлагал нарисовать портрет красивой девушки. Однако родители Розы воспротивились этому, полагая, что еврейской девушке неприлично позировать перед мужчиной. 5 июля 1906 года Роза родила дочку Иду, а Мовше Сегал был принят учеником в Школу живописи и рисунка художника Пэна. Розе было тогда двадцать лет, а будущему гению авангарда только что исполнилось девятнадцать. Разница всего в один год, но разница между зрелой женщиной и мучительно ищущим свой путь мальчишкой. Пэн принял инфантильного Мовше и его мать с непроницаемой небрежностью. Предупрежденный Розой об этом визите, он бегло просмотрел копии рисунков из "Нивы" и, не найдя в них ничего любопытного, процедил: «Ну,... некоторая предрасположенность проглядывает...» Два месяца проучился Мовше в школе Пэна. Он пристрастился к фиолетовым тонам, и мастер был так поражен его дерзостью, что позволил посещать школу бесплатно. Была в искусстве Пэна – и это отмечают все специалисты – некая едва уловимая наивность художественного мышления, которая, в сочетании с еврейским экспрессивным началом, как бы предвосхищала стиль Шагала. И хотя Мовше очень скоро понял, что мастерство Пэна – не его путь, он посвятил своему первому учителю удивительные, по-шагаловски невероятные лирические строки, которые просто невозможно не привести:

«Витебские окраины. Пэн. Земля, где покоятся предки, – самое дорогое, что есть у меня сегодня. Пэн мне мил. Так и стоит перед глазами его трепещущая фигурка... Сколько раз я готов был умолять его, стоя на пороге школы: не надо мне славы, только бы стать таким, как вы, скромным мастером, или висеть бы, вместо ваших картин, на вашей улице, в вашем доме, рядом с вами. Позвольте!»

Марк Шагал и его художественный мир играли в жизни семьи Шмерлингов значительную роль. 27 февраля 1920 года у Шмерлингов к двум девицам, наконец-то, прибавился долгожданный мальчик, которого назвали, как и Шагала, Марком. Не думаю, что это было случайным совпадением. Шагал был в то время в Витебске весьма известной, почти легендарной фигурой – губернским комиссаром искусств. Для витебских евреев, составлявших тогда большинство городского населения, это звучало очень сильно. Привыкшие к унизительному неравенству, они с восторгом наблюдали, как этот красивый молодой человек – сын бедного грузчика из селедочной лавки, в косоворотке с кожаным портфелем под мышкой запросто входит к губернскому начальству в бывший губернаторский дворец, открывает художественные школы и музеи, украшает город немыслимыми картинами и плакатами. Шагал был для них обжигающим горло глотком свободы, непонятно куда дующим ветром перемен, символом загадочного, на уровне столиц, взлета искусств в привыкшем к провинциальной скуке городе. В семье

Шмерлингов восторженно принимали все те перемены, которые привнес в жизнь города хорошо им знакомый Шагал, и не удивительно, что долгожданного мальчика назвали совсем нееврейским именем Марк.

В послереволюционном Витебске тем временем происходила еще одна революция – культурная, и главным ее двигателем был Марк Шагал. В августе 1918-го Народный комиссар просвещения Анатолий Луначарский, знавший Шагала по Парижу, приглашает его в Кремль и назначает... комиссаром искусств Витебской губернии и директором вновь создаваемой Витебской народной академии живописи и скульптуры. Этот факт поразителен во всех отношениях – губернским комиссаром назначается беспартийный Марк Шагал, чье знакомство с марксизмом «не шло дальше того, что Маркс был еврей и носил длинную седую бороду», назначается нахальный Марк Шагал, предупредивший Луначарского:

«Только не спрашивайте, почему у меня все синее и зеленое, почему у коровы в животе просвечивает теленок, и т.д. Пусть ваш Маркс, если он такой умный, все вам объяснит».

Портрет Марка Шагала времен Витебского ренессанса
Копия Е.Школьника с рисунка И.Пэна, Витебск, начало 1920-х годов

Марк Шагал вернулся из Москвы в Витебск накануне первой годовщины Октябрьской революции, и первым его деянием было праздничное украшение города. Он собрал всех маляров Витебска, бородатых как на подбор, и велел им от имени революционного народа перерисовывать своих коз и коров. В день революции витебляне

увидели немыслимое зрелище: с пением Интернационала рабочие маршировали мимо огромного рисованного стада шагаловских зеленых коз, коров и летящих по небу лошадей. Пролетарии, которым нечего было терять кроме своих цепей, чувствовали себя абсолютно счастливыми – им нравились картины с летящими по небу животными. Партийное начальство, однако, с недоверием разглядывало творчество присланного из Москвы «специалиста», не понимая, что общего у цветных коров с Марксом и Лениным. Вторым шагаловским деянием было открытие Народной академии живописи. Преподавательскому составу витебской академии могли позавидовать лучшие художественные школы мира: Марк Шагал, Мстислав Добужинский, Казимир Малевич, Иегуда Пэн, Лазарь Лисицкий, Иван Пуни, Вера Ермолаева – признанные мастера, звезды авангарда, новое слово в мировой живописи, эстетическая легенда XX века. На фотографии преподавателей академии 1919 года Марк Шагал в центре сидит рядом с Иегудой Пэном. Иегуде 65 лет, Марку 32 года, учитель и ученик, профессор академии и ее директор. Поразительно, как успешен был Шагал в своей административно-организаторской деятельности. К середине 1920 года он организовал, помимо академии, драматический театр, секцию изобразительных искусств, городской художественный музей, установил памятники двум Карлам – Либкнехту и Марксу, открыл художественные школы в уездных городах Невеле, Велиже и Лепеле, и многое другое. Оголодавшие во время гражданской войны столичные актеры, режиссеры, музыканты заполонили к началу 20-х годов Витебск. Помимо созданной Марком Шагалом художественной ауры, их, конечно же, привлекала в этот город возможность прокормиться.

Вся семья Шмерлинг счастливо окунулась в эту богему, постоянно общалась и дружила со многими семьями переселенцев. Блистательная Роза Шмерлинг почувствовала второе дыхание, в ее жизнь вошли незаурядные люди, признанные мастера, столичные интеллигенты, о личной встрече с которыми она прежде и подумать не могла. Роза была счастлива видеть, что эти люди высокого ума и таланта с уважением и любовью относятся к ней. Мы знаем мало о том, с кем конкретно общались Шмерлинги в те годы – Роза не оставила воспоминаний, а дети были еще недостаточно взрослыми.

Витебский художественный ренессанс совпал с годами НЭПа[1] – это были неплохие годы для семьи Шмерлингов. Конечно, капиталист Левинсон, у которого Исай Шмерлинг служил управляющим, был сметен с лица земли пролетарской бурей, но сам Исай – по существу наемный работник, не остался без работы. Будучи прекрасным специалистом по лесному делу, он по договорам продолжал снабжать лесоматериалами теперь уже советские государственные организации. В годы НЭПа Исай работал сначала бухгалтером, а потом управляющим в Лесном кооперативе, который имел долгосрочный договор на поставку леса инженерной дистанции в Смоленске. В провинциальном Витебске на зарплату Исая можно было жить вполне безбедно. Однако политическая и экономическая ситуация быстро ухудшалась.

В 1922 году Марк Шагал покинул Витебск и уехал из страны – он очень быстро понял пределы большевистской «свободы». 1925-й год стал последним годом витебского ренессанса и расцвета культурной жизни города. Казимир Малевич, ставший директором Художественного училища после отъезда Шагала, вместе со своими многочисленными учениками и последователями уехал покорять Ленинград. Он немало сделал для Витебска,

[1] НЭП – новая экономическая политика большевиков, временно разрешивших мелкое частное предпринимательство.

но для Малевича, в отличие от Шагала, Витебск был незначительным эпизодом биографии, не оставившем заметного следа в его творчестве. После отъезда Шагала и Малевича, другие выдающиеся художники, музыканты, актеры также начали возвращаться в столицы – культурная жизнь города захирела. На это были и экономические причины – НЭП сворачивался, сталинская группировка все жестче проводила политику тотального контроля над экономикой, в провинциальных городах разрасталась безработица. В Витебске, где традиционно доминировало мелкое кустарное или артельное производство, огосударствление приводило к особо тяжелым последствиям.

Для Шмерлингов наступили суровые времена. В 1923 году старшая дочь Исая Ида поступила на Филологический факультет Петроградского Университета. Процентная норма снята, все дороги к образованию для еврейской девушки открыты, но... не тут то было – весной 1924 года из Петроградского Университета "вычистили" всех, у кого родители были не "от станка". Ида попала под чистку, но осенью того же года она, упорно стремившаяся получить высшее образование, поступила в Институт Иностранных языков. Она проучилась в институте 2 года, но тут случилось новое несчастье – арестовали отца...

***

История ареста и отсидки Исая Шмерлинга содержит много неясностей... Исай был арестован летом 1926 года в составе группы подрядчиков по обвинению в "невыполнении договора". На первый взгляд, дело выеденного яйца не стоит, и даже не совсем понятно, где здесь криминал. Учитывая, однако, суровость революционных законов, предположим, что состав преступления имел место – невыполнение договора по поставке леса, повлекшее, скажем, дефицит стройматериалов и срыв государственного плана строительных работ. Но тогда возникает следующий вопрос – почему данное уголовное дело рассматривалось не в местном суде Витебска или Смоленска, т.е. по месту совершения "преступления", а в Москве, да не просто в Москве, а в ГПУ[2] на Лубянке? ГПУ занималось политическим сыском, и, следовательно, дело имело политическую окраску. Например, "невыполнение договора" могло быть обыграно как деяние преднамеренное, что уже тянет на саботаж и экономическую диверсию. Но, если это саботаж или, не дай Бог, диверсия, то почему Исай получил всего три года, что для железных чекистов, согласитесь, слишком гуманно и нетипично? Может быть, за Исая заступился его партийный брат Зиновий Зангвиль?

Как бы то ни было, Исай был арестован, препровожден в Москву и посажен в Бутырскую тюрьму. Роза с дочерью Идой несколько раз ездили в Москву, навещали Исая в Бутырках – в 20-е годы такое было еще возможно. Они выстаивали очереди к следователям на Лубянке, пытались выхлопотать оправдательный приговор, но успеха не имели – в декабре 1926 года Исая Шмерлинга осудили на 3 года и отправили этапом в Новосибирск. Холодным декабрьским днем Роза и Ида, оттесненные конвоирами и оголтело лающими собаками, стояли на перроне Савеловского вокзала, издали глядя на то, как уводят вместе с другими зеками их мужа и отца.

[2] ГПУ – Государственное политическое управление, карательный орган советской власти, сменивший ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия), возглавлялся Ф. Дзержинским.

Вокзал, теплушки, мороз, пронизывающий ветер, пар от дыхания людей, прощальные возгласы, всхлипывания, слезы, выкрики конвоиров, лязг ружейных затворов и вагонных замков, надрывный лай собак, паровозные гудки – Россия, XX век...

Подробности лагерной жизни Исая Шмерлинга мне неизвестны. Знаю только, что из Новосибирска его отправили на поселение в городишко Славгород Алтайского края. В 1928 году случилась какая-то амнистия, и Исая освободили. В 20-е годы ГУЛАГ только набирал силу и не был еще столь свирепым и безысходным, как в 30-е и последующие годы.

Тем не менее, семья Исая Шмерлинга лишилась на два года единственного кормильца. Ида, конечно, не могла оставить мать и малолетних сестру и брата. Она не поехала в Ленинград для продолжения учебы в Инязе, но устроиться на работу в Витебске тоже не смогла из-за жестокой безработицы. Жизнь семьи, привыкшей благодаря Исаю к сравнительному достатку, резко пошла вниз. Как Роза умудрялась в те годы прокормить троих детей? По-видимому, продавала кое-что из накопленных вещей. К счастью, в 1927 году Ида Шмерлинг вышла замуж за очень порядочного и самостоятельного человека – военного ветеринарного врача Евзеля Стернина, который был в то время начальником ветеринарной службы кавалерийской дивизии Красной Армии и носил ромб в петлицах, что эквивалентно званию генерал-майора – благодаря его поддержке материальное положение семьи сразу улучшилось.

Семья Исая Шмерлинга: дочери Ида и Бетти, жена Роза, сын Марк, зять Евзель. Витебск, 1927 год

Перед вами еще одна редкая фотография, которую я датирую второй половиной 1927 года – вся семья Исая Шмерлинга за исключением самого Исая в сборе. По краям

сидят молодожены: словно сошедшая с греческого постамента нежная блондинка Ида и красавчик Евзель в парадном костюме с кис-кис и с явными признаками приближающейся лысины. Иде здесь 21 год, а Евзелю – 31. В центре композиции – Жена Исая Роза и обнимающий ее семилетний Марк. За ними стоит очаровательная шестнадцатилетняя брюнетка – это младшая дочь Исая Бетти, моя будущая мама.

Пятого июля 1928 года, в день своего 22 летия, Ида родила сына Леонида, а через месяц вернулся из заключения Исай – счастливые Шмерлинги снова были вместе.

После возвращения из ссылки Исай немедленно взялся за дело. Ему было уже 50 лет, но огромный опыт работы и, вероятно, старые связи помогли вскоре вернуть прежние позиции в лесопромышленном бизнесе Витебской, Смоленской, Великолукской и Псковской областей. На протяжении 12 лет вплоть до Великой Отечественной войны Исай Шмерлинг занимал руководящие должности в Лесном кооперативе, который рубил и продавал лес на территориях этих областей. Он всегда был в отъезде, мотался по пунктам лесоповала, по лесоторговым базам, а затем в конторе составлял сметы расходов и доходов, готовил договоры с заказчиками. Ненадолго возвращаясь домой после длительных командировок, Исай всегда привозил с собой свежие продукты. Это может показаться странным современному человеку, но не забывайте, что я рассказываю о полуголодных годах в полуголодной стране, о годах начала сталинской коллективизации. Не забывайте, что в те годы в соседней с Белоруссией Украине, в южных областях России и Поволжье целые деревни вымирали от голода и бывали случаи каннибализма.

Исай Шмерлинг считал своей первейшей обязанностью обеспечить достойный жизненный уровень семье и упорно выполнял эту обязанность, какими бы тяжелыми не были внешние условия. Впоследствии, когда семья оказалась в Москве без крова, Исай своими руками построил ей дом, а в голодные военные годы он изощрялся невероятным образом, чтобы раздобыть стакан муки или кусок сахара для внуков. Забота о семье являлась для Исая категорическим императивом, и нельзя не восхищаться тем, с какой последовательностью и стойкостью он следовал этой нравственной установке на протяжении всей своей жизни.

***

В начале 30-х годов Шмерлинги начали покидать родной Витебск. Первой уехала работать и учиться в Ленинград младшая дочь Бетти. Сохранилась фотография Розы и Бетти, сделанная, повидимому, осенью 1930 года, когда Роза гостила у дочери в Ленинграде. На фотографии две молодые красивые женщины, и трудно поверить, что это мать и дочь. Розе здесь 44 года, а Бетти – 19 лет. На обороте фотографии надписи, сделанные каллиграфическим, очень красивым почерком Бетти. В центре: "Вспоминай дни, проведенные в Ленинграде". Фотография, судя по всему, была подарком дочери к серебряной свадьбе родителей, поэтому в углах фото написано: "Серебряной мамочке", "Серебряному папочке", "Можно ли сказать, что у одной из них серебряная свадьба?" Можно ли было подумать – добавим мы – что через 4 года Роза умрет от рака.

Тем временем, старшая дочь Исая Ида продолжала метаться между вузами в поисках своего призвания. Она обладала многими талантами, среди которых выделялись способности к языкам и литературе. Тем не менее Ида, в конце концов, поступила на физико-математический факультет Витебского педагогического института и стала педагогом-математиком.

В 1933 году семья Шмерлингов навсегда покидает Витебск и переезжает в Москву. Муж Иды Евзель получил работу в одном из Московских НИИ и служебную комнату в пригородном поселке Новогиреево. Сама Ида устроилась учителем математики в Новогиреевскую среднюю школу, а тринадцатилетний Марк стал учеником этой же школы. Бабушка Роза нянчила своего внука Ленечку, которому было 5 лет. Один лишь Исай, не пожелавший бросать свою работу, остался в Витебске. Он наезжал в Новогиреево раз в два месяца, нагруженный свежими продуктами.

Нынешнему поколению трудно представить жизнь семьи из 5 человек в одной комнате. Однако, в 1938 году Шмерлинги лишились и этой "роскоши". В тот год Евзель получил новую работу и формально потерял право на занимаемую его семьей комнату, но никто не мог себе представить, что их просто вышвырнут, не предоставив никакого другого жилья. Между тем, именно так все и получилось. Вернувшись из Торопца, где вся семья проводила лето, наши герои нашли свои вещи на улице – ночевать было негде. На следующий день Иде дали временное жилье для всей семьи на школьном чердаке, где был земляной пол и не было никаких "удобств", как принято деликатно выражаться в России.

К счастью, в семье был Исай Шмерлинг – за несколько месяцев он построил для семьи роскошный по тем временам дом из трех больших комнат с кухней и летней верандой. Еще в начале года дед Исай купил несколько старых домов в районе Нелидово, разобрал и перевез их в Новогиреево, нанял рабочих и инженера-строителя, и к лету на участке появился сруб большого четырехквартирного дома. Благодаря связям деда лес и стройматериалы бесперебойно подвозились из Лескоопа на подводах, запряженных лошадьми. К зиме семья смогла переехать с чердака в свой собственный дом.

Я часто бывал и подолгу жил в Новогиреевском доме, построенном моим дедом Исаем Шмерлингом. Впервые попал я туда в 1940 году, мне было тогда два с половиной года...

***

Тем временем советское руководство вело страну к величайшей в ее истории катастрофе, начавшейся с пакта о ненападении с гитлеровской Германией, развязывания Второй мировой войны и дележки добычи с фашистами – Советскому союзу достались большой кусок ликвидированной Польши, вся Прибалтика (Литва, Латвия, Эстония) и часть Финляндии. 22 июня 1941 года, когда «дружественная» Германия напала на Советский союз, было отнюдь не началом, а взрывной точкой этой катастрофы. История тотального разгрома, панического бегства и сдачи в плен советских армий в первые дни, недели и месяцы войны подвергалась скрупулезному исследованию, но... до сих пор осталась загадочной. Всевозможные объяснения, придуманные в свое время советской пропагандой для внутреннего употребления, в частности сталинско-молотовские басни о внезапности гитлеровского нападения и огромном превосходстве немцев в боевой технике, уже давно не работают. Историки убедительно показали[3] – Красная Армия превосходила Германский вермахт по всем видам вооружения. Доказано, например, что по количеству танков на Западной границе Советский Союз имел 4-х кратное (четырехкратное!) превосходство над Германией, а таких мощных танков как Т-34 и КВ у

[3] Смотрите, например: М.Солонин, «22 июня – анатомия катастрофы», изд-во «Эксмо», Москва, 2009.

Гитлера вообще не было. Среди причин катастрофы 22 июня доминирующим фактором было преступно-бездарное руководство военными действиями со стороны всех уровней военно-политичской структуры СССР, начиная от командиров и комиссаров дивизий, корпусов, армий и фронтов и кончая высшими руководителями партии и государства, наркомата обороны и генштаба. Назвав раздел своей книги о причинах катастрофы 1941 года – «Без головы», историк Марк Солонин поясняет:

«В самой краткой формулировке ответ на вопрос о причине поражения может быть сведен к трем словам: **армии не было**. В начале советско-германской войны на полях сражений встретились не две армии, а организованные и работающие, как отлаженный часовой механизм, вооруженные силы фашистской Германии с одной стороны, и почти неуправляемая вооруженная толпа – с другой. Результат столкновения армии и толпы не мог быть иным. Даже огромное количество первоклассного вооружения не позволит толпе победить армию. И за свое поражение неорганизованная толпа заплатит потерями, намного превосходящими потери армии противника. Именно это и произошло летом 1941.»

К началу войны герой этого очерка Исай Шмерлинг был одним из управляющих громадного лесного кооператива, раскинувшегося на много километров по лесам Псковской, Смоленской и Калининской (ныне Тверской) областей. Он жил в поселке Нелидово, что примерно на полпути между городами Великие Луки и Тверь. После смерти Розы в 1934 году Исай женился на уже немолодой религиозной женщине – Ревекке Соломоновне Магаршак, у которой были сын Анатолий и дочь Люба от двух предыдущих браков.

Исай не верил сталинской пропаганде о войне на чужой территории, но даже он был потрясен той скоростью, с которой немецкие войска продвигались в глубь страны от далекой западной границы. Уже 11 июля, на двадцатый день войны был оккупирован родной город его молодости Витебск. Беженцы рассказывали о разрушении города, о страшном витебском котле, о расправе нацистов с витебскими евреями. Исай был свидетелем Первой мировой войны, он хорошо помнил тревожные сообщения о наступлении немецких войск в направлении Витебска, но такого чудовищного разгрома, как в 1941 году, тогда и в помине не было. Через три недели после начала войны, 16 июля 1941 года одна из дивизий танковой армии генерал-полковника Гудериана ворвалась в Смоленск – 175 км от Нелидово, 19 июля фашисты заняли Великие Луки – 140 км от Нелидово. Если бы немецкие армии группы «Центр» с ходу прошли Смоленск, как это планировалось Гитлером, ничто уже не спасло бы Исая от гибели. Однако Красная Армия в Смоленском сражении дала фашистам первый отчаянный отпор и задержала их продвижение на Москву почти на два месяца. Упорная оборона Ленинграда на Лужском рубеже также отвлекала значительные силы немцев от московского направления. В результате Западный фронт к концу июля временно стабилизировался восточнее линии Великие Луки – Смоленск.

Неизвестно, когда точно Исай с женой Ревеккой ушли из Нелидово. Судя по времени их приезда в Чкаловскую (Оренбургскую) область, где мы находились в эвакуации, и общей картине войны, это было, скорее всего, в конце августа или начале сентября 1941 года – еще до развертывания фашистской операции «Тайфун» по захвату Москвы. Исай понимал, что немцы не остановятся в Великих Луках, что они вот-вот захватят Нелидово, что они убьют всех евреев – он не верил бытовавшему среди стариков

со времен Первой мировой войны успокоительному мнению о цивилизованности немцев. Он бросил все свое имущество, собрал мешок с продуктами, посадил на подводу, запряженную лошадью, свою жену и уехал от наступавших немецких войск по знакомым только ему лесным тропам, которые он знал, как свои пять пальцев. Исай избегал больших дорог, ведущих напрямую к Москве – опасался прорыва немцев или десанта. Пробираясь то на подводе, то пешком через глухие леса, Исай с женой прошли 150 километров до Вязьмы, где им удалось сесть на поезд в направлении Москвы. Вал немецкой оккупации катился буквально по их пятам – поселок Нелидово был разрушен до основания, а под Вязьмой советские войска вскоре попали в очередной чудовищный котел, в котором погибли или были взяты в плен более полумиллиона солдат и офицеров Красной армии, включая нескольких высших военачальников в генеральском звании.

Нельзя не восхищаться мужеству, решительности, выносливости и практической смётке Исая Шмерлинга, выбравшегося из эпицентра страшной войны по безлюдным лесным дорогам. В сентябре 1941 года, еще до решающего броска фашистских армий на Москву, Исай с Ревеккой добрались, наконец, до дома его дочери в Новогиреево под Москвой. Здесь они узнали от соседки, что дочь Исая Ида с сыном и домработницей уехали в Оренбургскую область по месту нового назначения мужа Иды Евзеля. Еще пара недель потребовалась Исаю на дорогу к оренбургскому пристанищу – в октябре 1941 года, когда танковые клинья германской армии достигли пригородов Москвы, Исай с женой, измученные скитаниями по глухим лесам смоленщины и дорогам войны, оголодавшие и еле стоящие на ногах, появились у нашего дома в Сорочинске.

***

Город Сорочинск расположен в Оренбургской губернии России, в заволжских (приуральских) степях на левом берегу реки Самары, в ста километрах от границы с Казахстаном. Во времена нашей эвакуации Сорочинск был поселком городского типа и входил в состав Чкаловской области РСФСР. Конечно, ничем городским здесь и не пахло, но такая классификация отделяла местное население от жителей колхозных деревень, которые были по существу государственными крепостными.

Наш дом находился на самом краю мясокомбината, у высокого забора, ограждавшего территорию комбината, считавшегося предприятием оборонного значения. В доме было пять комнат для руководящего состава комбината – в двух комнатах размещалась семья главного инженера, в одной – заведующая химической лабораторией, и в оставшихся двух – семья начальника производственного контроля комбината, каковым был Евгений Абрамович Стернин – муж маминой сестры Дуси.

Центральная проблема сорочинского быта состояла, конечно, в пропитании семьи, особенно зимой 1941–42 года, когда еще не было собственной картошки или какой-либо живности. Постоянно недоставало хлеба и круп, а сахара и масла не было практически никогда. За обеспечение хлебом отвечал дед Исай – примерно две трети необходимого хлеба он получал мукой по карточкам, а одну треть докупал на рынке. На зиму дед закупил полмешка пшена – это сильно помогло.

Здесь уместно сказать о продовольственных взаимоотношениях мясокомбината и населения Сорочинска. Мясокомбинат производил огромное количество колбасы и мяса для фронта, но ни мы, ни другие жители Сорочинска никогда эту продукцию даже не пробовали. Это может показаться неправдоподобным в наше время тотального взяточничества и воровства, но факт заключется в том, что за все время войны не было ни

одного случая воровства продукции на мясокомбинате. И дело здесь не только в суровых законах военного времени, неумолимо и жестоко каравших за это, но и во всеобщем чувстве ответсвенности и даже вины перед теми, кто, рискуя своей жизнью на фронте, давал всем остальным возможность выжить в этой смертельной схватке с фашизмом. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» не был тогда пустой пропагандистской фразой – для сорочинцев он очень конкретно означал нежелание есть то, что можно отправить воюющим на фронт. Тем не менее кое-что им все же от комбината перепадало – то, что нельзя было отправить на фронт. Работникам мясокомбината продавали по очень низкой цене так называемые субпродукты 3-ей и 4-ой категорий: диафрагма, легкое, сердце, хвосты, головы, а изредка – даже ноги и кости. В случае особо торжественных событий, например, для встречи героических ленинградских дистрофиков, по специальному заявлению, подписанному директором, выдавались необработанные ребра с остатками мяса. Все это было спасением для нашей семьи – из костей готовили наваристые супы с картошкой или пшеном, а из говяжьих ног тетя Дуся варила великолепный студень. К праздникам работникам комбината продавали субпродукты получше, например, бараньи хвостики-курдюки из жира. Их запекали (предварительно срезав большую часть жира) в котелке в печке вместе с картошкой.

В Сорочинске, конечно, не было серьезного голода, тем не менее к весне 1942-го все немножко оголодали, начали собирать прошлогодние колоски, сушить их, молоть и самодеятельно печь хлеб… Внезапно вспыхнула эпидемия «септической ангины», от которой вымирали целыми семьями. Сначала причину мора – а он прокатился по многим юго-восточным областям – понять не могли, а потом специальная комиссия из Москвы установила, что весной прорастающие зерна злаковых растений иногда дают приют устойчивому к внешним термическим воздействиям микробу, который смертелен для человека. (Все это мы впоследствии узнали от мужа сестры Исая Малки – профессора А.Е. Левина, возглавлявшего комиссию.) После этого собирать колоски и делать из них хлеб запретили. Стало также опасным покупать на рынке муку, и до следующего урожая пришлось дотягивать на одной лишь покупной картошке.

***

Дедушка Исай Шмерлинг играл центральную роль в жизнеобеспечении семьи. Он с утра уходил на рынок, унося что-нибудь из довоенных вещей, а к обеду приносил либо муку, либо крупу, либо сахарин или что-нибудь другое… Исаю отдавали все заработанные деньги и карточки, он что-то менял, покупал, продавал. У него была масса связей, и никогда пустым с рынка он не приходил, и всегда был в выигрыше...

Вообще, дед Исай был человеком незаурядным в деловых вопросах, сейчас бы сказали – выдающийся бизнесмен. Вот только один пример. В Сорочинске не хватало мыла, и никто не знал, как эту проблему решить. Как-то дед разговорился на рынке с неким Улановским, бежавшим с семьей из Одессы – по специальности химик, без работы, живет с женой и малыми детьми в хлеву, все голодают... Голова работала у деда великолепно – он тут-же предложил Евгению Абрамовичу взять Улановского на работу в химлабораторию с тем чтобы тот организовал на комбинате мыловарение. В то время Евгений Абрамович замещал директора комбината и пригласил Улановского на работу на две недели до возвращения директора из командировки. Тот согласился, не рассуждая – это был шанс выжить всей его большой семье. Первая варка мыла оказалась неудачной – оно было жидким и плохо мылилось. Дед Исай посоветовал Улановскому не переводить попусту материалы, а пойти в библиотеку и почитать, как варят мыло. В результате,

вторая варка дала прекрасные результаты – настоящее хозяйственное мыло довоенных времен. Появившийся директор был в восторге – комбинат начал производить новую продукцию. Вскоре все причастные к этому делу, за исключением деда Исая, получили благодарность из министерства.

Не менее важную роль в жизни семьи играла жена дедушки Ревекка Соломоновна. Эта тихая, всегда спокойная старушка с красивыми, добрыми глазами и белыми-белыми седыми волосами, никогда не говорившая громко, очень много сделала для всех в то тяжелое время. Она попросила как-то Евгения Абрамовича достать ей швейную машинку, и когда он сделал это, начала обшивать всех. Мне она шила одежду для дома, Лене – для школы, Тане – для работы в цехе, и всем другим без исключения. Ревекка Соломоновна не могла сидеть без шитья. Даже соседи нередко просили ее что-то перешить – все похудели, дети росли, было много старых вещей, а новых не было, и она это делала очень быстро, как профессиональная швея. Она была очень сообразительна и, посмотрев старую вещь, тут же безошибочно определяла, кому и что надо из нее сделать. Особенно дружна была Ревекка Соломоновна с моей мамой, ей она шила больше всех и с особым удовольствием – вероятно в 30-летней красавице Бетти ей виделась собственная молодость с роскошными до пояса черным волосами… Поразительно, как эта женщина вписалась в новую для нее семью, как легко и незаметно переносила она тесноту и другие тяготы эвакуации, как деликатно скрывала от окружающих свою тревогу о сыне, который сражался в тылу у немцев... В моих воспоминаниях того далекого времени бабушка Ревекка Соломоновна осталась древней-древней старушкой-волшебницей из доброй детской сказки. Она намного пережила деда, и в зрелые годы я нередко встречался с нею в Ленинграде, но то детское ощущение прикосновения к чуду старой сказки сохранилось навсегда...

Дедушка Исай и бабушка Ревекка создавали атмосферу уюта в невообразимо неуютной тесноте сорочинского дома. После обеда, решив с утра все текущие продовольственные вопросы, дедушка Исай усаживался за чтение газет, а бабушка Ревекка – за швейную машинку. Они неторопливо перебрасывались фразами на идиш, и благостные покой и мир, казалось, входили в дом, вытесняя тревогу и ужас страшной войны, неизменно гнездившейся вокруг... Дедушка постепенно засыпал, сидя за газетой, а Леня подкрадывался и тихонечко щелкал его в нос. Дедушка просыпался и пытался поймать внука, но тщетно. Бабушка Ревекка уговаривала дедушку лечь поспать, но дедушка категорически отрицал факт засыпания и опять брался за газету...

***

Мне во время великой Сталинградской битвы было почти 5 лет. Я, конечно, ничего не понимал, но по воспоминаниям близких лето и осень 1942 года были для всех сорочинцев временем тяжелых испытаний и нелегких раздумий. Почти всех мужчин, имевших прежде бронь, забрали на фронт. Евгений Абрамович избежал мобилизации только благодаря личному вмешательству директора комбината и поддержке министра. В связи с тяжелым положением на фронтах всех школьников, начиная с 5-го класса, отправили работать в окрестные совхозы. Мои старшие двоюродные братья, окончившие тогда 6-й класс, рассказывали, что в совхозе имени Чапаева, где они помогали выращивать урожай, не осталось ни одного мужчины, пригодного для воинской службы. Все как-то напряглись и подтянулись, а школьники словно повзрослели в тот год, ощутив грозные отголоски смертельной схватки. Напряжение чувствовалось и в ритме труда, и в

отношениях между людьми... Всем хотелось верить в то, что обещала по радио и в газетах Москва, но каждый прикидывал, что будет с ним и семьей, если немцы победят в Сталинграде...

От Сталинграда до Сорочинска 720 км по плоской, как блин, заволжской степи, где нет никаких укреплений или естественных препятствий – в случае победы фашистов под Сталинградом и форсирования ими Волги немецкие войска уже через несколько недель могли достигнуть Сорочинска. Зачем немцам нужен ничтожный Сорочинск? – может спросить читатель. Во-первых, есть основания полагать, что в случае падения Сталинграда наступление немецких армий в Заволжье развивалось бы по двум направлениям: к городу Куйбышеву (Самаре), где размещалась резервная столица страны с учреждениями Правительства и Генштаба, и к центрам уральской военной промышленности – Магнитогорску, Челябинску и Свердловску (Екатеринбургу), и оба эти направления проходили через Сорочинск или вблизи от него. Во-вторых, Сорочинск находился на стратегически важной железнодорожной магистрали, ведущей из центра страны в Казахстан и Среднюю Азию. В-третьих, в Сорочинске располагались учебный центр подготовки военных летчиков с аэродромом и база формирования Войска Польского. Наконец, в-четвертых, в Сорочинске был крупный мясокомбинат, снабжавший Красную Армию продуктами. Поэтому в случае прорыва Сталинградского фронта немецкому командованию было бы весьма заманчиво захватить этот поселок по дороге к Самаре и Уралу.

При таком развитии событий поголовное уничтожение всех эвакуированных в Сорочинск евреев не вызывает никаких сомнений. Понимали ли это окружавшие меня взрослые: мама, тетя Дуся, дядя Езек и вообще вся наша большая сорочинская семья? Ида Исаевна была широко образованным человеком, Евгений Абрамович общался с руководителями высокого уровня и на комбинате, и в министерстве. И тем не менее что-то подсказывает мне, что взрослые не до конца понимали глубину той пропасти, на краю которой стояли и они, и их близкие. Это полуинтуитивное «что-то» основано на моем более позднем, через много лет, опыте интеллектуального общения с ними... Конечно, сейчас уже очень трудно воспроизвести достоверно их ощущения и мысли того времени. В те годы откровенные разговоры на политические темы были редкими даже между очень близкими людьми, а в кругу большой семьи, где были и дети, и не совсем близкие люди все старались говорить с максимальным приближением к статьям в газете «Правда» и к словам диктора московского радио Юрия Левитана. Та же ненадежная интуиция подсказывает мне, что исключением был дед Исай – он, как мне видится, все понимал и все предвидел. Помню, как дед Исай, напряженно вытянув шею и приставив ладонь к уху, буквально влезал головой в черную тарелку репродуктора и ловил каждое слово последних известий из Москвы, пытался понять, что происходит на фронте на самом деле. Все, особенно дети, подтрунивали над дедом за эту его манеру влезать головой в репродуктор, а он сердито отмахивался, боясь пропустить хоть одно слово. Телевидения тогда и в помине не было, радиоприемники были во время войны строжайше запрещены, и единственным источником оперативной, но тщательно просеянной цензурой информации, являлось проводное радиовещание, пришедшее в 30-е годы в каждый советский дом в виде черной тарелки репродуктора. Дед Исай, по-видимому, умел более-менее достоверно реконструировать подлинные события по тому, что говорил Левитан и по левитановским интонациям. Он был мудрее окружающих, имел опыт Первой мировой войны, прошел советскую ссылку и бегство от фашистов, а главное – не был заражен

казенным советским оптимизмом. Исай понимал, что советская пропаганда замалчивает особую роль евреев в нацистской расовой доктрине, и предвидел, к какому трагическому для всей семьи исходу могли бы сдвинуться события. В этом смысле я вижу деда Исая в 1942 году, когда ему исполнилось 63 года, таким же, как и в 1915 году, когда ему было 36 лет. Поразительно – цифры в его возрасте поменялись местами, а мир все тот же: опять нашествие немцев на Россию, опять смертельная опасность для евреев, с той разницей, что в 1915 она исходила от черносотенцев, обвинявших евреев в предательстве, а в 1942 – от нацистов, не затруднявших себя придумыванием обвинений.

***

Исай с Ревеккой прожили в Сорочинске до апреля 1946 года, они последними возвращались из эвакуации в Москву. Старые семейные гнезда в Витебске и Нелидове были разорены и уничтожены войной – единственным надежным пристанищем остался дом дочери Исая Дуси в Новогиреево, построенный им еще в 1938 году. Да, к тому же, там теперь жила и дочь Ревекки Люба, преподававшая историю в Новогиреевской школе.

У меня чудом сохранилось последнее письмо Исая из Сорочинска в Ленинград, написанное им 18 февраля 1946 года – за два месяца до смерти. Письмо написано в типичном для Исая деловом стиле – о подготовке к отъезду из Сорочинска в Москву, о том, как он собирается продать корову и поросенка, чтобы расплатиться с долгами, о том, где следует покупать костюмы Езеку и Лене и платье Дусе, спрашивает «*получили ли Вы* (дед всем пишет «вы» с большой буквы – Ю.О.) *перевод в 1000 рублей за приборы на сапоги* (??? – Ю.О.)*, о чем я Вам неоднократно писал...»* И только в конце несколько неделовых душевных строк:

«От Ма́ркушки писем нет и очень переживаю за него. У меня одно желание – получить от него весточку (Сын Исая Марк, служивший в авиачасти в Хабаровске, погиб за 4 месяца до написания этого письма, но Исай не был извещен командованием об этом – Ю.О.). Милый Юрик (это единственное сохранившееся письменное обращение ко мне от моего дедушки – Ю.О.), твое письмо я несколько раз читал и очень счастлив за тебя, что ты здоров и хорошие у тебя успехи – кругом отличник. Будьте здоровы. Крепко целую. Папа.»

Я привожу ниже полную копию этого письма – последнего и, по-видимому, единственного сохранившегося письма моего дедушки Исая Григорьевича Шмерлинга. Пусть эта наша семейная реликвия и письменный памятник той далекой эпохи сохранится навечно...

Письмо Исая Шмерлинга из Сорочинска в Ленинград,
февраль 1946 года

Сорочинск 18/II 46 г.

Дорогие мои!

Счастливы, получением Вашего письма долгожданного. Я Вам уже писал что Езек, от нас уехал 31/, и благополучно доехал и получил уже весь багаж в целости и сохранности. Устроился он на 3-ом колбасном заводе в Москве Начальником О.П.В.К., так что все в порядке. Мы пока устроились в квартире, где жил Валовик и довольно неплохо. Думаем в Марте выехать отсюда, т.к. вызовы мне получили от Соли из Андреаполя и ждем из Андреаполя вызов для Тани и тогда начнем ликвидировать корову и парасенка и расплатимся с долгами. Езек пред от'ездом ликвидировал парасенки и деньги забрал собой, расчитывал купить себе и Лене костюмы и для Дуси платья, но сегодня получили письмо от Езека что в Москве все дорого и просит нас все купить в Сорочинске. Я телеграфировал Месерману в Ленинград на квартиру Гайдука ул. Рубенштейна № 5 к. 8 в связи с его от'ездом в Сорочинск зайти к Вам, узнать что случилось. От Маркушки, писем нет и очень переживаю за него. У меня одно желание получить от него весточку. Милый Юрик, твое письмо я несколько раз читал и очень счастлив за тебя что ты здоров и хорошие у тебя успехи кругом отличник, Будьте здоровы Крепко целую. Папа.

Если не трудно напишите, получили ли Вы перевод в 1600 рублей за приборы на сапоги, о чем я Вам не одно кратно писал а ответа нет.

Апрельским вечером 1946 года 67-летний Исай вместе с Ревеккой вернулся из Сорочинска в Москву в свой новогиреевский дом. Зять Езек и внук Леня встречали его на Казанском вокзале, а дочь Дуся ждала дома. Первое, что он спросил, переступив порог дома, – есть ли письма от сына Марка. Дуся ответила, что писем нет – от Исая скрывали, что Марка уже нет в живых, но он и не ждал ничего доброго от этой поганой жизни. Вечером на торжественный семейный ужин были поданы московские деликатесы – колбаса и селедка, от которых дед давно уже отвык. Война окончилась, семья снова вместе в своем доме – было за что выпить и было чем закусить. Исай, однако, был мрачным, он словно предчувствовал, что дневного света больше не увидит, да и нужен ли ему этот свет, если от сына полгода нет вестей... Может быть, лучше уйти из жизни, так и не узнав страшную правду о сыне? Ночью Исаю стало плохо. Словно подводя итог, он сказал Ревекке на идиш «Нихт гут» и потерял сознание. К утру он скончался...

Юрий Окунев
Апрель, 2013
www.yuriokunev.com